

Никифорова Л. В. Политические метафоры и репутационный образ власти : опыт классификации данных социологического опроса / Л. В. Никифорова, Н. Н. Розанова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 56—74. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-56-74.

Nikiforova, L. V., Rozanova, N. N. (2022). Political Metaphors and the Reputational Image of Power: Experience in Classifying Sociological Survey Data. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 56-74. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-56-74. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-56-74

Политические метафоры и репутационный образ власти: опыт классификации данных социологического опроса

Никифорова Лариса Викторовна^{1,2}
orcid.org 0000-0001-9811-2411
доктор культурологии, профессор
nikiforova_lv@list.ru

Розанова Нина Николаевна³
orcid.org/0000-0002-7243-8197
кандидат педагогических наук, доцент
rozznina@yandex.ru

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой
(Санкт-Петербург, Россия)

³ Смоленский государственный университет
(Смоленск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания. Тема проекта «Репутационное ядро российской власти: региональные особенности и факторы формирования». Код FEMF-2022-0002, Соглашение 3 075-03-2022-181/2.

Political Metaphors and the Reputational Image of Power: Experience in Classifying Sociological Survey Data

Larisa V. Nikiforova^{1,2}
orcid.org 0000-0001-9811-2411
Doctor of Culturology, Professor
nikiforova_lv@list.ru

Nina N. Rozanova³
orcid.org/0000-0002-7243-8197
PhD in Pedagogy, Associate Professor
rozznina@yandex.ru

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

² Vaganova Ballet Academy
(St. Petersburg, Russia)

³ Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as State Assignment. Project theme: “The Reputational Core of the Russian power: regional Regional Peculiarities and Factors of Formation”. Code FEMF-2022-0002 Agreement 3 075-03-2022-181/2.

© Никифорова Л. В., Розанова Н. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы классификации политических метафор в порядке подготовки к анализу данных социологического опроса, который проводится коллективом Смоленского университета в 2022 году в регионах России. Изучение репутационного образа власти (ответы респондентов на вопросы: «Как бы Вы нарисовали репутационный образ российской / региональной власти?») проблематизирует принципы классификации. Актуальность исследования в отработке диагностики репутационного образа власти. Новизна исследования в том, что анализ проводился на базе народной метафоризации, а не профессионального политического дискурса, с чем, как правило, имеют дело исследователи политической метафорологии и политической семантики. Эмпирическим материалом для проблематизации классификации стали результаты социопроса 2021, включавшего аналогичные вопросы. Представлена классификация метафор власти на основе базовых философских категорий и структурных взаимосвязей (пространство/время; живое/искусственно созданное; человек/природа/социум), поскольку такой принцип позволяет охватить реальное разнообразие и многомерность предложенных респондентами образных уподоблений. Результаты исследования народной метафоризации корректируют существующие классификации метафор власти, не вполне совпадают с известными классификациями метафорических моделей власти, также корректируют представления о популярности типичных метафорических моделей.

Ключевые слова:

политические метафоры; народная метафоризация; классификация метафор; социологический опрос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The questions of classification of political metaphors are considered. This classification is necessary for the analysis of the data of sociological survey, which was conducted by the team of Smolensk University in 2022 in regions of Russia. The study of the reputational image of power (respondents' answers to the questions: "How would you draw the reputational image of Russian / regional power?") problematizes the principles of classification. The relevance of the study in working out the diagnosis of the reputational image of power. The novelty of the study is that the analysis was conducted on the basis of folk metaphorization, rather than professional political discourse, which researchers of political metaphorology and political semantics usually deal with. The empirical material for the problematization of the classification was the results of the sociological survey 2021, which included similar questions. The classification of power metaphors on the basis of major philosophical categories and structural relationships (space/time; living/artificial; human/nature/society) is presented, as such principle allows capturing the real diversity and multidimensionality of figurative likenesses proposed by respondents. The results of the study of folk metaphorization adjust the existing classifications of power metaphors, do not fully coincide with the known classifications of metaphorical models of power, also adjust the ideas about the popularity of typical metaphorical models.

Key words:

political metaphors; folk metaphorization; classification of metaphors; sociological survey.

УДК 811.161.1'37+303.425.6:323.2

Политические метафоры и репутационный образ власти: опыт классификации данных социологического опроса

© Никифорова Л. В., Розанова Н. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Статья посвящена важному аспекту методологии анализа результатов социологического опроса, который проводится коллективом Смоленского государственного университета в 2022 году в пяти регионах России и посвящен изучению репутации российской власти в целом (официальная государственная и муниципальная власть РФ) и региональной власти (на примере государственной исполнительной власти субъекта РФ). Цель настоящего исследования — выявить степень единства репутационного ядра власти (ее образного компонента) для регионов России с учетом национального (моно- и многонациональность состава), религиозного (моно- и поликонфессиональность) факторов, а также дихотомии «столица — провинция» (опрос 2022 года в республиках Дагестан, Татарстан, Коми, Чеченской республике, Москве и регионах Центрального федерального округа, по сопоставимым данным 2021 года). В современной геополитической обстановке вопросы репутации власти и способы ее диагностики актуальны как никогда прежде. Среди вопросов есть такие: «Если бы Вы могли нарисовать репутационный образ российской власти, что бы Вы нарисовали?», «Если бы Вы могли нарисовать репутационный образ региональной власти, что бы Вы нарисовали?». Ответы на них проблематизируют способы классификации политических образов и метафор.

Эмпирическим материалом для отработки системы классификации стали результаты социологического опроса, проведенного научным коллективом Смоленского государственного университета в 2021 году в других шести регионах, которые отбирались по уровню социально-экономического развития (Калужская, Белгородская, Орловская, Липецкая, Смоленская, Брянская области) и включали аналогичные вопросы. Классификация, сложившаяся на базе указанного эмпирического материала, используется в анализе результатов опроса 2022 года.

Респондентам соцопросов редко предлагают визуализировать свои представления о власти и ее оценке. В тех случаях, когда такое бывало, предлагалось выбрать из ограниченного набора образов (от 10 до 20), заданного исследователем, или создать рисунки по результатам фокусированного интервью и проективного теста [Букреева, 2012, с. 35—39; Шесто-

пал и др., 2019, с. 74—75]. В нашем опросе мы получили 2716 чрезвычайно разнородных ответов. Поэтому первой задачей стала классификация образов, без чего дальнейший анализ этой части анкеты был бы невозможен.

Несмотря на вопрос о визуальном образе власти, мы имели дело с вербальным материалом, который в широком смысле можно считать результатом процедуры метафоризации, поскольку респондентам было предложено выразить свою оценку власти косвенно, через уподобление. И это не в чистом виде политический дискурс, предмет изучения политической лингвистики, семантики, метафорологии [Баранов и др., 1994, с. VII—VIII; Будаев, 2020, с. 27—45; Чудинов, 2001, с. 22—28], а результат народной метафоризации. А. В. Захаров назвал это народными образами власти или уровнем массового сознания, в отличие от его высшего уровня, фиксируемого СМИ, выступлениями политиков, программными документами партий [Захаров, 1998, с. 23].

Еще одна проблема — соотношение вербальной и визуальной составляющей ответов, полученных в форме высказываний, то есть их экфрастичность. Среди предложенных вариантов были образы с очевидной визуализацией (*карта страны / региона, герб, флаг, три толстяка*); с большим потенциалом визуализации, в том числе в формах карикатуры или плаката (*двухглавый орёл с камерами вместо голов, стоящий на спине лежащего человека; спортивная фигура президента поднимает штангу, на которой вместо дисков висят различные проблемы; толпа кричащих людей; небоскреб, где региональная власть на цокольном этаже; начальник за столом*), со слабым потенциалом визуализации (*озеро надежды, ситуация с COVID-19*). Были и генерализующие высказывания, в которых визуальная составляющая проигнорирована (*принятие адекватных указов и решений, повышение уровня жизни населения, взаимодействие губернатора с населением*).

Первичный анализ выявил две большие группы ответов. Первая — это стереотипные образы. Вслед за Е. И. Шейгал можно классифицировать их в виде триады «человек / артефакт / локус как символы власти» [Шейгал, 2005, с. 139]. Это персонификации (*президент, губернатор, Путин, Шатица, Богомаз*¹), элементы современной и исторической официальной символики и геральдики (*герб, флаг страны или региона, двухглавый орел, трон, корона, скипетр*), локусы власти, в качестве которых выступают здания институтов власти или места городского пространства, где сконцентрированы учреждения власти (*Москва, Кремль, здание Администрации,*

1 В.В. Шатица — губернатор Калужской области, А. В. Богомаз — губернатор Брянской области.

здание суда, площадь Ленина, улица Московская¹). Вторая группа — индивидуально-авторские, условно креативные образы, которые к тому же имеют отчетливые оценочные характеристики, в то время как стереотипные образы чаще нейтральны.

Материалы соцопроса не дают нам креативных метафор в полном смысле слова, которые Р. Рорти определял как использование слова так, как его никто до этого не использовал [Рорти, 1996, с. 52]. Скорее это то, что Дж. Лакофф и М. Джонсон называли необщеупотребительными для данной сферы, выделяя для них три способа формирования [Лакофф и др., 2004, с. 90—91]. Наш материал укладывается в триаду Лакоффа и Джонсона: расширение уже используемой части метафоры (*небоскреб*, *хрущовка* как расширение фрейма «Дом»); обращение к неиспользуемой части общепринятой метафоры (*кардиограмма* из фрейма морбиальной метафоры); перенос метафор, прежде не использовавшихся для конкретной области опыта (*олень*, *панда* среди зооморфных метафор). В нашем материале индивидуально-авторских образов в четыре раза больше, чем устойчивых (82,8 % общего числа содержательных ответов), но они же труднее структурируются.

Задача статьи — представить рабочую классификацию индивидуально-авторских, творческих метафор власти, полученных в результате конкретного социологического опроса, показать разнообразие вариантов внутри отдельных фреймов и слотов, а также сделать выводы относительно популярности разных «сфер-источников» метафорических моделей в народной метафоризации власти.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретической опорой классификации стал семантико-когнитивный подход, на который опираются политическая метафорология [Баранов и др., 1994, с. XIII—XV; Будаев, 2020, с. 46—68; Чудинов, 2001, с. 39—57] и семантика политического дискурса [Шейгал, 2005]. Оба активно развивающихся направления не только работают с вербальным материалом, но включают в поле интересов невербальные знаки и креолизованные тексты, а также, как правило, широко трактуют метафору, то есть смысловое содержание сравнений и уподоблений здесь важнее качественных характеристик самих метафор [Чудинов, 2013, с. 13—14].

Исследователи политического дискурса, работающие в академическом формате, имеют возможность выбрать наиболее репрезентативные мета-

1 На площади Ленина в Орле находится здание Правительства области, в Брянске — городская администрация. Респондент из Калужской области мог иметь в виду само направление Московской улицы в Калуге или расположенное на ней здание Федеральной налоговой службы.

форы и от чего-то отказаться. В нашем случае требовалось максимально охватить разнообразие, учесть по возможности все высказывания, многие из которых лишь с натяжкой могут быть отнесены к метафорам, даже в широкой трактовке. Поэтому важно было обращение к когнитивной теории общеязыковых метафор [Лакофф и др., 2004].

В меньшей степени, но также исследование опирается на работы, посвященные репрезентации власти [Дорский, 2013, с. 80—104; Никифорова, 2011], политической карикатуре, в том числе семиотике карикатуры [Raimond, 1995, p. 3—12], социально-психологическим аспектам карикатуры [Gombrich et al., 1938, p. 319—342], генеалогии визуальных образов власти [Успенский и др., 2013; Вайс, 2008]. Все эти авторы также работают на пересечении визуального и вербального, анализируют в числе прочего лексику естественного языка, литературные цитаты, пропагандистские клише. В отличие от исследований по политической метафорологии, в политической имагологии, насколько нам известно, не предпринимались попытки создания общей классификации образов, не составлялись сводные словари или энциклопедии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Процедура классификации политических метафор опирается на выявление сфер-источников и сфер-мишеней и на вычленение метафорических моделей, которые и выступают единицами классификации, а они в свою очередь делятся на фреймы и слоты, показывающие разные грани одной сферы-источника метафорической экспансии [Будаев, 2020, с. 156—184]. При построении системы классификации политических метафор обычно лидирует принцип частотности, а результат отличается мозаичностью. Так, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов предлагают следующую последовательность метафорических моделей: «Геометрия», «Персонификация», «Путь», «Строение», «Транспортное средство» [Баранов и др., 1994, с. 1—86]. А. П. Чудинов выделяет сферы «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакты» [Чудинов, 2013, с. 58—171].

Однако при решении задачи учесть все возможные варианты полученных высказываний об образах власти складывается довольно целостная картина: пространственные и временные метафоры (подобно базовым философским категориям), органистические и артефактные (как живое и искусственно созданное), зооморфные и фитоморфные (два больших царства живой природы), антропоморфные и социоморфные (отражающую неразрывную связь человека и общества), слово и число (базовые языки концептуализации). В этих координатах представим индивидуально-авторские метафоры, полученные в результате соцопроса 2021 года.

3.1. Метафоры пространства и времени

Пространственные метафоры включают образы, объединенные характеристиками протяженности, объема, формы, удаленности, расположения в трехмерном пространстве:

— метафоры планетарного пространства: *планета*, в том числе *планета с большим количеством людей*, *планета и люди вокруг нее*, *мир*, *карта мира*, *глобус*, *Солнце*, *Луна*;

— атмосферные явления: *небо*, *облако*, *горизонт*, *восход*, *закат*, *ветер*, *вьюга*, *метель*, *дождь*, *гроза*, *туман*;

— ландшафтные метафоры: *горы*, *лес*, *пустыня*, *поле*, *поляна*, *луг*, *сад*, *клумба*, *парк*, *болото*, *океан*, *море*, *ручей*, *река*, *озеро*;

— топографические: *карта страны*, *границы страны*, *границы региона*;

— урбанистические, в отличие от приведенных выше не имеющие конкретной номинации города или городского района: *город*, *район*, *улица*, *площадь*, в том числе *мирная улица*, *площадь*, *заполненная народом*;

— ориентационные.

Строго говоря, часть ландшафтных метафор может быть отнесена к фрейму органистических, поскольку лес и поле — это территории, объединяющие природные сообщества. Но в общем контексте понятно, что в нашем случае именно пространственные качества образов (простор, теснота, удаленность, величина, глубина) стали источником метафоризации.

Остановимся подробнее на топографической и ориентационной метафорах.

Топографические метафоры политической власти могут быть сведены к двум основным формам — представление о государстве / регионе как о территории и представление о государстве / регионе как о центре (столице) или нескольких центрах, как это было в императорской России (Санкт-Петербург / Первопрестольная) и в СССР (Москва-столица, Ленинград — колыбель революции). Образы территории в равной степени были задействованы в представлениях о российской и региональной власти. Образы российской власти как территории с определенными очертаниями по количеству лишь немного уступают образам власти как *столицы* или *Кремля*. При этом на уровне региональной власти главный город региона редко выбирается как образ власти.

Как показал Б. Андерсон, карта изолированной территории (страны, региона) — мощное средство структурирования политико-географического воображаемого. Главная сила «аватара карты» — непрерывная линия границы и самостоятельная форма, вычлененная из реально непрерывного географического пространства. В отличие от государственной границы, границы региона (области) полностью воображаемы, на них нет шлагбаумов и по-

стов, только дорожные указатели. Но карта позволяет воспринимать границы как реальные. Б. Андерсон видит два типа таких аватаров — карта-путеводитель (с нанесенными ориентирами) и карта-логотип (пазл территории, окрашенный одним цветом, без объяснительных знаков). Каждый тип, но в особенности карта-логотип, считает Андерсон, «глубоко внедряется в массовое воображение», формирует символ идентичности и может служить политическим целям самоопределения [Андерсон, 2016, с. 278—289].

Ориентационная метафора, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, принадлежит к базовым типам метафор в обыденной речи и опирается на первичный жизненный опыт. Ориентационные метафоры связаны с оппозициями «верх — низ», «внутри — снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «глубокий — мелкий», «центральный — периферийный», «простор — теснота». Например, *небо, чистое небо, горизонт, небо перед грозой, дно, дыра, яма*). Положительные коннотации бинарных оппозиций связаны с верхом, лицевой стороной, прямою; низ, задняя сторона, кривизна негативны, что фундировано физическим (эмпирическим) и культурным опытом человека [Лакофф и др., 2004, с. 35—45]. Синкретизм этических, эстетических ценностей и пространственных явлений подтверждается материалом сравнительного языкознания, сохраняется в мифопоэтической модели мира, живет в языке вплоть до наших дней [Никифорова, 2011, с. 9—21].

В целом в нашем материале позитивно окрашенных ориентационных метафор (верх, центр, перед, прямога, простор) больше, чем негативно маркированных (низ, обратная сторона, кривизна, теснота). Но разрыв между ними небольшой. Чаще ориентационные метафоры выбирались для характеристики российской власти, реже — для региональной. Но при соотношении образов (когда и российская, и региональная власть имели приметы ориентационных метафор) возникла оппозиция центр (российская власть) / вместилище (регион). Например, *Солнце / небо, звезда / небо, птица / небо, горы / горизонт*. В целом ориентационные метафоры занимают 3 % от общего числа содержательных ответов.

Образов времени в нашей подборке не так много, они несамостоятельны (включены в высказывания) и связаны с оппозициями быстро / медленно (*несвоевременное разрешение социальных проблем*); прошлое / будущее (*еще брежневских времен самиздатовский сборник анекдотов про власть; современная реальность*).

К органистическим метафорам относятся:

— фитометафоры: *дерево* (в том числе *береза, дуб, липа, елка*), *куст, цветок* (в том числе *ромашка, роза, тюльпан, клевер*), *кактус, лопух, одуванчик; росток, трава, пшеница, зерно, мухомор*;

— зоометафоры (включают образы высших и низших животных, насекомых, пресмыкающихся): *птица, орел, коршун, сова, сокол, дятел, воробей, ворона, голубь, ласточка, журавль, кукушка, петух, курица, страус, попугай, павлин, пингвин; акула, кит, рак, осьминог, рак, рыба, дельфин, черепаха, тюлень; удав, змея, хамелеон, лягушка; клещ, паук, пчела, жук, бабочка; медведь, вол, шакал, заяц, лиса, бык, олень, лань, рысь, белка, бобр, барсук, енот, еж, скунс, лев, тигр, зебра, бегемот, носорог, обезьяны, слон, крокодил, панда; собака, кот / кошка, свинья / поросенок, баран, овцы, козел, конь, осел, корова, кролик; мышь, крыса, сурок, кролик, хомяк;*

— метафоры болезни / здоровья (например, *кардиограмма, раненый лев, птица с раненым крылом, болеющее дерево с огромной кроной и глубокими корнями, коронавирус, человек в маске под дождем, раковая опухоль, ободранный кот* и др.)¹.

Подробнее остановимся на метафорах болезни / здоровья. Сопоставление явления с болезнью, увечьем, смертью называют обобщенно морбиальной метафорой, противоположный вектор сравнения — иногда, но реже, мелиоральной метафорой. А. П. Чудинов считает метафору болезни весьма характерной для политической коммуникации, это поле эмотивных метафор, призванных вызвать у аудитории эмоциональное отношение к явлению, перенести сочувствие к больному или неприязнь к возбудителю инфекции на концептуализируемое явление. Метафорой болезни традиционно определяют врага, чужого, который считается источником проблем в государстве, также существует устойчивая традиция обсуждать экономическую сферу через оппозицию болезни / здоровья (здоровая экономика, например) [Чудинов, 2013, с. 24—25]. Уже доказано, пишет Чудинов, что метафоры болезни преобладают в периоды кризисов, а метафоры цветения — при экономическом росте [Чудинов, 2013, с. 93]. И. В. Телешова показала, что в политическом дискурсе Великобритании и США концепт болезни используется в большей степени для оценки других стран, а «в российском дискурсе — для характеристики своих собственных недугов» [Телешова, 2006, с. 7].

В обыденной коммуникации оценка политической ситуации через метафоры болезни / здоровья вполне привычна. Пласт таких метафор не очень велик в общей массе ответов (1,16 %), но выразителен. Наиболее оригинальны и разнообразны метафоры болезни, ранения, порчи (кроме уже прозвучавших, *больница, болеющее дерево, гниль, гнилое яблоко*). По отношению к российской власти их вдвое больше, чем по отношению к ре-

1 А. П. Чудинов включал метафоры болезни в антропоморфную метафору [Чудинов, 2001, с. 68—78], в ответах наших респондентов морбиальная метафора связана с зооморфной и фитоморфной, а не только атропоморфной и менее детализирована, чем в политическом дискурсе.

гиональной, метафоры здоровья относятся преимущественно к региональной власти (*молодой жеребёнок, который в полной мере не раскрыл себя, сила, улыбающийся человек*).

3.2. Артефактные метафоры

Эта сфера содержит фреймы:

- архитектурно-строительные метафоры: *дом, здание, башня, крепость, сарай, хижина, хрущовка, мост, лестница, столб, крыша, плинтус*;
- метафоры машин, механизмов, транспорта, в том числе сломанных / работающих машин и механизмов: *машина / колесо, механизм / шестеренки, скрипучий механизм, болт (забить болт), двигатель, машина, машина из запчастей, Lada за млн, поезд / вагон, локомотив, трактор, ржавый трактор, танк, лодка, корабль, лифт, ракета, самолет, летающая тарелка*;
- прочности / непрочности; порядка / беспорядка: *разруха, бутылка с треснувшим горлышком, хрустальный сосуд, дырявое ведро*.

Архитектурно-строительные метафоры традиционно фигурируют в политическом дискурсе. Н. А. Арутюнова подчеркивала вклад метафорики К. Маркса в актуализацию строительных метафор применительно к политической, экономической, социальной жизни: «эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Арутюнова, 1990, с. 14—15]. Чрезвычайно актуальны строительные метафоры были в советскую эпоху, как ответ на реальное строительство в рамках индустриализации, восстановления страны после войны и на идею строительства нового общества в широком смысле. *Перестройкой* был назван переход к постсоветской эпохе, в которой целый ряд политических партий использовали метафору дома («Наш дом — Россия» В. П. Черномырдина). Л. Е. Адясова на материале НКРЯ показала актуальность архитектурно-строительных метафоры в 2000—2010е годы [Адясова, 2014].

В ответах наших респондентов архитектурно-строительные метафоры составляют 6 % от общего числа ответов и 45 % в сфере артефактных метафор. Одна из них — дом — входит в ядро образов власти, как региональной, так и российской. А. П. Чудинов в своем исследовании политической метафоры рассматривает весь комплекс архитектурно-строительных образов как составляющих метафоры дома [Чудинов, 2001, с. 154—163]. На нашем материале есть смысл различать номинации, тем более что «Дом» выступает не только наиболее обобщенным образом строительства, но образом укорененности, устроенности, защищенности, семейно-родственных отношений. А. П. Чудинов включает в метафору дома и предметы обстановки. В нашей подборке, как кажется, *стол, стул* реализуют бюрократическую метафору (о ней ниже), а не метафору дома. Как показывает

Е. П. Дулесов, метафора дома может использоваться «в рамках как конфронтационной, так и кооперативной коммуникативной метафоры» [Дулесов, 2017, с. 273], и подчеркивает, что она часто функционирует в политическом дискурсе в рамках консервативной националистической логики.

В нашей подборке образов власти в большинстве случаев образ дома окрашен нейтрально или отчетливо позитивно, когда, например, подчеркивается благополучие, правильность воображаемой картинки (*дом с огородом и скотом, семья и дом, пара дом / дерево*). Но некоторые респонденты выбирают тревожный образ готового разрушиться дома: *ветхий дом, старый дом, дом из хлипких бревен; дом со стенами из кирпича, но недостроенный*. Дважды встречается образ *дома престарелых*.

В целом архитектурно-строительные метафоры можно разделить на фреймы «Строения» и «Элементы конструкции», но в качественном отношении они могут поддерживать друг друга. Так, и варианты строений, и элементы конструкции дают качественные характеристики образа власти. Так, *крепость, замок, стена* подчеркивают неприступность и, возможно, недоступность власти. Идею иерархии и власти как вертикали воплощают *башня, столб, лестница, крыша*. Образ неустойчивости, непрочности несут *шалаш, сарай*, особенно в парах *ветхий дом / сарай*, а пара *золотой дворец / позолоченная дача* претендуют на членство в криминальной (коррупционной) метафоре.

3.3. Антропоморфные метафоры

В большинстве своем они представлены словом *человек*, включенным в различные сочетания (в том числе *загадочный человек, сильный человек среди толпы, улыбающийся человек, толстый человек; человечек, который всеми командует*); фреймом «Части тела» (*голова, рука, нога, фигура*); фантастические и сказочные существа, литературные и анимационные персонажи: *три богатыря, три толстяка, богатырь / дракон, снеговик; лебедь, рак и щука; Гадкий Я; единорог, колобок, баба-яга, Гринч, железный дровосек, неваляшка, Фантомас*. Все три составляющих практически равны по количеству примеров.

3.4. Социоморфные метафоры

Сфера социоморфных метафор включает:

— фрейм «вместилища»: *детский сад, дом престарелых, заводы, торговый центр, торжественный зал, больница, шахта, театр, цирк, аквариум, зоопарк;*

— фрейм социального статуса: *школьник, бабушки во дворе, кузнец, алкоголик, вун;*

— образы бюрократии и делопроизводства (*чиновник, телефон, сломанный телефон, бумага*);

— метафоры криминала и коррупции (*мошенники, бандиты, Мавроди, мешок денег, кошелек, конверт*).

Общезыковые метафоры вместилища Дж. Лакофф и М. Джонсон относят к пространственным метафорам, поскольку они связаны с телесной основой опыта, с ориентацией внутри / снаружи, с представлениями о границах пространства и его объеме. Вместе с тем метафоры вместилища связаны с образами событий и действий, которые происходят в их границах [Лакофф и др., 2004, с. 54—58]. В политической метафоре «вместилища» — это нередко социальные институты / учреждения (*театр, цирк, дом престарелых, детский сад*), которые одновременно фигурируют в языке как образы власти. Респондентами были предложены также образы *аквариум, зоопарк*, метафорический потенциал которых обкатан в политическом дискурсе. По Лакоффу и Джонсону, *дом, поляна* — это вместилища. В нашей классификации (вслед за А. П. Чудиновым) дом помещен в архитектурно-строительные метафоры, а поляна — в ландшафтные образы, хотя, строго говоря, поляна может иметь криминальные / коррупционные коннотации.

Остановимся на слоте «Театр, цирк, игра» как самом многочисленном в метафорах вместилища, популярном в политическом дискурсе и в визуальных образах власти, особенно в карикатуре.

Метафорические определения политики и власти через театр широко распространены. Это одна из типичных метафорических моделей власти и политической деятельности. В словаре политических метафор А. Н. Баранова и Ю. В. Караулова приведено немало примеров, определяющих политиков как актеров, роли и амплу как политические имиджи, народ как зрителей [Баранов и др., 1994, с. 99—100, 168—170]. Выражения типа *политическая арена, политическая сцена, политические марионетки* давно превратились в клише. По словам Е. А. Шейгал, театральная метафора в отношении политики «сопровождается уничижительной коннотацией иронии или сарказма и содержит импликацию “ненастоящности” происходящего, отстраненности от него говорящего. Интенция коммуниканта, представляющего политику через фрейм театра, — показать, что к такой политике не следует относиться серьезно, что она не заслуживает уважения из-за неискренности ее участников» [Шейгал, 2005, с. 88]. То же относится и к языку карикатуры, в которой типичны образы марионеток, шарманщиков, клоунов [Арзамасцева, 2016, с. 9—10; Gombrich et al., 1938, p. 321—322].

В нашей подборке имеются ключевые слова: *цирк, театр, клоун, шут, кукловод, марионетки*, а также связанные с идеей игры и непрочности мяча, *воздушный шар, качели, мыльный пузырь, неваляшка, пазлы*.

Образы делопроизводства и бюрократии составляют 1,8 % содержательных ответов. Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал не выде-

ляют бюрократическую метафору в политическом дискурсе, так как слова *бюрократ*, *бюрократия*, *бюрократическая система* объективно в прямом значении соотносительны с властными структурами. Идея бюрократии может получить метафорическое выражение через посредство образов. Слово *чиновник*, которое в широком смысле называет представителя структур власти, часто пробуждает ассоциации с образами паразитирования, соотносится с идеями коррупции, чиновничества и под. «Как известно, — пишет А. П. Чудинов, — государственных служащих в России чаще всего презрительно именуют “бюрократы”, противопоставляя тем самым государственную службу честному труду, демократическим нормам, образу жизни порядочного человека» [Чудинов, 2001, с. 102].

В нашей подборке чиновник реализует слот «персонификация власти». Среди предложений респондентов *чиновники*, *коррумпируемые чиновники*, а также *чинуши* — синоним бюрократа, ретрограда, взяточника, карьериста, человека трусливого и заурядного. Один из респондентов предлагает образ *чиновников из «Мертвых душ»* Гоголя. Чиновничество в художественном мире Гоголя, как показал Ю. М. Лотман, представляет собой «непрерывность бумаг, канцелярских оборотов, чиновничьей условности с нулевым содержанием» [Лотман, 1988, с. 251—292]. Если у Гоголя чиновники носят мундиры, то, с позиции опрошенных, современные чиновники — *мужчины в костюме, сером костюме*, а то и просто предлагалась реакция *костюм* как метонимическая отсылка к образу чиновника. Практически половину «образов бюрократии» составляют артефакты делопроизводства — *бумаги, множество бумаг, листы бумаги, ручка, карандаш, ножницы, печатная машинка*. Последний образ предложили молодые по возрасту респонденты (18—25, 26—35 лет), не исключено, что подразумевалось не делопроизводство, а печатание денег, и тогда этому образу место в разделе криминальной метафоры.

3.5. Криминальная метафора

А. П. Чудинов отмечал, что криминальная метафора вообще характерна для российского (советского) политического дискурса, где политических оппонентов принято называть «уголовниками, бандитами, гнусной шайкой» [Чудинов, 2001, с. 96], где тюремные песни стали популярным жанром, где преступник это не обязательно враг, но жертва [Там же, с. 104]. Изучая политические метафоры 1990-х, А. П. Чудинов назвал криминальную метафору одним из сильных концептуальных векторов, но предположил, что скоро «будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия» [Там же, с. 225]. Исследуя политические метафоры 2010-х, А. П. Чудинов подтвердил, что таковые стали использоваться реже и сре-

ди них стало меньше «свежих» метафор [Чудинов, 2013, с. 110], зато они перетекли в другие дискурсы, например в феминистский.

Наш материал подтверждает эти выводы. Из пяти фреймов и десяти слотов, выделенных Чудиновым для 1990-х [Чудинов, 2001, с. 95—104], наши образы складываются в три слота. «Преступники и их специализация» (*мошенники, воровство, обман, Мавроди, Чубайс, бандит*); «Места лишения свободы и их обитатели» (*тюрьма, колючая проволока, кандалы, оковы*); «Орудия деятельности преступников» (*пистолет, бомба*). Вовсе отсутствуют фреймы «Иерархия преступных сообществ», «Жертва», «Быт и жаргон преступного сообщества» и их слотов).

Лексика народной / общественной метафоризации значительно беднее метафор, обнаруженных А. П. Чудиновым при анализе дискурса. Ряд слов изменили коннотации. Так, *крыша*, похоже, лишена криминального значения, а *маска* (криминальная метафора, по Чудинову) после пандемии COVID-19 стала метафорой болезни. И, конечно, криминальную метафору, обладающую сильным агрессивным потенциалом, на нашем материале нельзя считать базовой, как это констатировал А. П. Чудинов для 1990-х. Она составляет всего 1,2 % от общего числа ответов.

Заметим, что в нашей подборке социоморфных метафор практически отсутствуют слоты метафоры семьи, распространенные в высоком политическом дискурсе и в политической карикатуре [Raimond, 1995, с. 37—60].

3.6. Абстрактные символы и геометрические фигуры

Сфера абстрактных образов власти составляет 8 % от общего числа ответов и включает слоты «Геометрические фигуры и тела», «Графики и линии», «Знаки препинания и математические знаки».

Геометрические символы — древнейшие и многозначные элементы визуального языка, они использовались в мифопоэтической, религиозной, геральдической символической и эмблематике, в орнаменте, который первоначально имел магические функции. Геометрические символы продолжают нести символическую нагрузку в современном языке СМИ, политической визуальной риторике, в дизайне брендов и логотипов. В современной культуре широко распространены энциклопедии и словари символов, как в научном, так и в популярном формате, да и в целом, произошла реинкарнация мифологического мышления. Поэтому современные российские граждане, скорее всего, осведомлены хотя бы о некоторых символических значениях геометрических фигур, что и стало, судя по всему, мотивом к выбору их в качестве образов власти.

Шар и его проекция — круг — выражают идею единства, высшего совершенства. Круг в сочетании с крестом символизируют вселенную (центр и четыре стороны света) [Топоров, 1991, с. 273]. Круг в сочетании с ква-

дратом / четырехугольником — знак «горизонтальной проекции мирового древа» или, в более популярном толковании, единства неба и земли. Квадрат — еще и символ равенства, порядка, справедливости. Треугольники и ромбы в сельскохозяйственных культурах символизировали плодородие [Топоров, 1991, с. 273], творящую силу божества, мужское и женское начала; в развитых религиозных системах — триады богов, различные троичные системы (отец — мать — ребенок; тело — душа — дух; любовь — разум — интуиция; начало — середина — конец), христианскую Троицу. Треугольник входил в масонскую эмблематику [Махлина, 2015, с. 137—145], знак всевидящего ока (изображение глаза внутри равностороннего треугольника) изображен на долларовой купюре. Пирамида близка треугольнику по значению, она символизировала гору, восхождение, в «Откровении» Иоанна Богослова пирамида служит основанием Небесному Иерусалиму. Звезда как правильный многоугольник символизирует вечность, совершенство, вселенную.

В политическом дискурсе геометрические символы используются как метафоры с прозрачным содержанием. Таковы *номенклатурный круг* или *линия партии* из словаря А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов и др., 1994, с. 2]. Наши респонденты использовали геометрические образы скорее как абстрактные символы и в некоторых случаях указали на их предельно общий смысл (*Круг как символ абсолюта*). Как уже говорилось выше, универсальная символика мироздания, свойственная геометрическим фигурам, находит воплощение в образах, сочетающих *круг* (российская власть) и *квадрат* (региональная власть) (10 случаев). Есть примеры изобретения символика единства региона и центральной власти (*большой круг, в котором много маленьких объединённых молекул; круг, но с чем-то внутри; сочетание большого круга и круга поменьше*). Варианты месседжа на языке геометрических символов уточняются сочетаниями образов и могут иметь благопожелательный смысл — *трапеция / желтый* (региональная власть как основание) и *треугольник / синий* (российская власть как наверх). Образы могут содержать и критический посыл: *шар* как метафора российской власти и *мяч* — региональной; *пирамида* российской власти и *дерево* региональной — противопоставление неподвижной громады российской власти и «живой жизни» региона.

О репутационной нагрузке геометрических символов свидетельствуют некоторые комментарии респондентов (*Круг наполненный чем-либо, но не до конца, и вот это наполнение — уровень ее репутации*), устойчивые лексемы (*черный квадрат, замкнутый круг, черная полоса*), сочетание с цветом (*черный круг; квадрат в сочетании с серым или черным*). Так из 25 *квадратов* — эмблем региональной власти — 7 сочетаются с серым или черным цветом, 6 — с зеленым и желтым. *Пирамида* в современных

российских реалиях может быть финансовой — А. П. Чудинов приводит примеры такого рода из 2010-х годов [Чудинов, 2013, с. 215]. В нашей подборке в одном случае фигурирует *иерархическая пирамида интересов* (российская власть), в другом в паре с *пирамидой* предложена *печатная машинка*, возможно, имеется в виду печатание денег. О снижении репутационного образа говорят *вопросительный знак* и *знак неравенства*.

Графики лишь условно можно причислить к абстрактным символам, поскольку уточнения вроде *график с ростом репутации*, *линия уходящая вверх*, *стрелка вверх*, *снижающийся график*, *кривая линия* волне конкретно указывают на оценку репутации респондентами. Возможно, образ графика почерпнут из традиционной бюрократической инфографики или карикатуры, но не исключено, что из современной протестной пропаганды. На видеозаписях протестных акций встречаются размашисто нарисованные графики с ярко-красной стрелкой, направленной вниз.

4. Заключение = Conclusions

Предложенная последовательность сфер-источников отражала целостность и многомерность представлений о власти. Однако если мы расположим их в порядке убывания популярности, последовательность будет иной. На первом месте зооморфная метафора (29 %), на втором пространственная (18 %), на третьем артефактная (14,5 %), на четвертом фитоморфная (12 %), пятое место делят социоморфная метафора и абстрактные образы власти (по 9,5 %), на последнем месте антропоморфная метафора (7,5 %).

Образы и метафоры власти, полученные в результате социологического опроса как индивидуальные высказывания вне заданных научных рамок, представляют широкий спектр сфер-источников и многомерность представлений о власти. Несмотря на то что в них присутствуют типичные метафорические модели, результат народной метафоризации не вполне совпадает с классификациями метафор в политическом дискурсе. Примером тому служат пространственные метафоры, не учитываемые в классификациях политических метафор, не функционирующие в политическом дискурсе, но широко представленные в символике власти и космического порядка. Также показательна в нашем материале малая доля антропоморфных метафор и персонификаций, которые обычно возглавляют классификации метафор в политическом дискурсе.

Литература

1. Аясова Л. Е. Метафора дома в концептуальном представлении СССР и в современном российском медиадискурсе [Электронный ресурс] / Л. Е. Аясова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14747> (дата обращения 05.01.2022).

2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — Москва : Кучково поле, 2016. — 286 с. — ISBN 978-5-9950-0421-9.

3. *Арзамасцева Е. Н.* Визуальный образ российской власти в финляндской печати начала XX в. / Е. Н. Арзамасцева // История газетно-журнальной иллюстрации : Сборник статей / Сост. О. Н. Ансберг, Е. С. Сони́на. — Санкт-Петербург : Своё издательство, 2016. — Ч. II. — С. 4—15. — ISBN 978-5-4386-0987-2.

4. *Арутюнова Н. В.* Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н. В. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 14—15. — ISBN 5-01-001599-4.

5. *Баранов А. Н.* Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Российская акад. наук, Ин-т русского яз. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с.

6. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев — Санкт-Петербург : Наукоемки технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2.

7. *Букреева О. В.* Визуальный аспект восприятия политической власти в России / О. В. Букреева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 5 (19) : в 2-х ч. Ч. II. — С. 35—39.

8. *Вайс Д.* Животные в советской пропаганде : Вербальные и графические стереотипы / Д. Вайс // Политическая лингвистика. — 2008. — № 2 (25). — С. 19—35.

9. *Дулесов Е. П.* «Народ свой отчий строил дом, / слагал Руси державной зданье» : метафора дома в дискурсе русских националистов начала XX в. / Е. П. Дулесов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2017. — Т. 27. — Выпуск 2. — С. 273—279.

10. *Дорский А. Ю.* Эстетика власти / А. Ю. Дорский. — Санкт-Петербург : Алетей, 2013. — 295 с. — ISBN 978-5-91419-820-3.

11. *Дробушевский А. И.* Ромбы «целинные» и «засеянные». Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — 2008. — Выпуск 5. — С. 24—33.

12. *Захаров А. В.* Народные образы власти / А. В. Захаров // Полис. Политические исследования. — 1998. — № 1. — С. 23—25.

13. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; Под ред. и с предисловием А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2.

14. *Лотман Ю. М.* Художественный мир Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — Москва : Просвещение, 1988. — С. 251—292. — ISBN 5-09-000544-3.

15. *Махлина С. Т.* Семантика мasonicких символов / С. Т. Махлина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — Т. 210. — С. 137—145.

16. *Никифорова Л. В.* Чертоги власти. Дворцы в пространстве культуры / Л. В. Никифорова. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2011. — 702 с. — ISBN 978-5-210-01636-2.

17. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти ; Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. — Москва : Русское феноменологическое общество, 1996. — 282 с. — ISBN 5-7333-0494-4.

18. *Телешова И. В.* Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. В. Телешова. — Челябинск, 2006. — 24 с.

19. *Топоров В. Н.* Геометрические символы / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 1. — С. 272—273.

20. *Успенский В. М.* Медведи, Казаки и Русский мороз. Россия в английской карикатуре до и после 1812 года / В. М. Успенский, А. А. Россомехин, Д. Г. Хрусталёв. — Санкт-Петербург : Арка, 2013. — 251 с. — ISBN 978-5-91208-104-0.

21. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. И. Шейгал. — Москва, 2005. — 431 с.

22. *Шестопал Е. Б.* Новые тенденции восприятия власти в России / Е. Б. Шестопал // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 3. — С. 137—151. — DOI: 10.17976/jpps/2005.03.12.

23. *Шестопал Е. Б.* Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами / Е. Б. Шестопал, А. В. Вагина, П. С. Пасс // Политика : Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2019. — № 4 (95). — С. 67—86. — DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-67-86.

24. *Gombrich E. H.* The Principles of Caricature / E. H. Gombrich, E. Kris // British Journal of Medical Psychology. — 1938. — Vol. 17. — Pp. 319—342.

25. *Raimond M. N.* The carnivalization of politics : Quebec cartoons on relations with Canada, England and France, 1960—1979 / M. N. Raimond. — Montreal [Que.] : McGill-Queen's University Press, 1995. — 148 p.

References

- Adyasova, L. E. (2014). Metaphor of the house in the conceptual representation of the USSR and in the modern Russian media discourse. *Modern problems of science and education*, 5: Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14747> (accessed 05.01.2022). (In Russ.).
- Anderson, B. (2016). *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo Field. 286 p. ISBN 978-5-9950-0421-9. (In Russ.).
- Arutyunova, N. V. (1990). Metaphor and Discourse. Introductory article. In: *The theory of metaphor*. Moscow: Progress. 14—15. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).
- Arzamastseva, E. N. (2016). The visual image of Russian power in the Finnish press of the early XX century. In: *The history of newspaper and magazine illustration: A collection of articles, II*. St. Petersburg: Its Publishing House. 4—15. ISBN 978-5-4386-0987-2. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1994). Dictionary of Russian political metaphors. In: *Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language*. Moscow: Pomovsky and Partners. 330 p. (In Russ.).
- Budaev, E. V. (2020). *Comparative political metaphorology*. St. Petersburg: Science-intensive technologies. 464 p. ISBN 978-5-6044793-2-2. (In Russ.).
- Bukreeva, O. V. (2012). Visual aspect of perception of political power in Russia. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 5 (19): in 2 ch, II: 35—39. (In Russ.).
- Dorsky, A. Yu. (2013). *Aesthetics of power*. Saint Petersburg: Aleteya. 295 p. ISBN 978-5-91419-820-3. (In Russ.).

- Drobushesky, A. I., Nechaeva, G. G. (2008). Lozenges “virgin” and “sown”. Geometric rank of signs in archaeological and ethnographic monuments. *Desna antiquities. Materials of the interstate scientific conference dedicated to the memory of F. M. Zaverlyayev*, 5: 24—33. (In Russ.).
- Dulesov, E. P. (2017). “The people of their father built a house, / composed the building of Russia”: a metaphor of the house in the discourse of Russian nationalists of the early XX century. *Bulletin of the Udmurt University. The series “History and Philology”*, 27 (2): 273—279. (In Russ.).
- Gombrich, E. H., Kris, E. (1938). The Principles of Caricature. *British Journal of Medical Psychology*, 17: 319—342.
- Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by*. Moscow: Unified URSS. 256 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). The artistic world of Gogol. In: *In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. Moscow: Prosveshchenie. 251—292. ISBN 5-09-000544-3. (In Russ.).
- Makhlina, S. T. (2015). Semantics of Masonic symbols. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 210: 137—145. (In Russ.).
- Nikiforova, L. V. (2011). *Halls of power. Palaces in the space of culture*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. 702 p. ISBN 978-5-210-01636-2. (In Russ.).
- Raimond, M. N. (1995). *The carnivalization of politics: Quebec cartoons on relations with Canada, England and France, 1960—1979*. Montreal [Que.]: McGill-Queen’s University Press. 148 p.
- Rorty, R. (1996). *Chance, irony and solidarity*. Moscow: Russian Phenomenological Society. 282 p. ISBN 5-7333-0494-4. (In Russ.).
- Sheigal, E. I. (2005). *Semiotics of political discourse*. Doct. Diss. Moscow. 431 p. (In Russ.).
- Shestopal, E. B. (2005). New trends in the perception of power in Russia. *Polis. Political studies*, 3: 137—151. DOI: 10.17976/jpps/2005.03.12. (In Russ.).
- Shestopal, E. B., Vagina, A. V., Pass, P. S. (2019). New trends in the perception of power by Russian citizens. *Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 4 (95): 67—86. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-67-86. (In Russ.).
- Teleshova, I. V. (2006). *Cognitive research of morbial metaphor in the modern political discourse of Russia, the USA and the UK*. Author’s abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1991). Geometric symbols. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia, I*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 272—273. (In Russ.).
- Uspensky, V. M., Rossomakhin, A. A., Khrustalev, D. G. (2013). *Bears, Cossacks and Russian frost. Russia in English Caricature before and after 1812*. Saint Petersburg: Arka. 251 p. ISBN 978-5-91208-104-0. (In Russ.).
- Weiss, D. (2008). Animals in Soviet propaganda: Verbal and graphic stereotypes. *Political Linguistics*, 2 (25): 19—35. (In Russ.).
- Zakharov, A. V. (1998). Folk images of power. *Polis. Political studies*, 1: 23—25. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.09.2022,
одобрена после рецензирования 15.10.2022,
подготовлена к публикации 23.10.2022.